

*Невоспетым героям, проявившим
удивительную храбрость и стойкость
в борьбе против ненависти и репрессий.
Ваши жертвы и усилия навсегда останутся
в нашей памяти*

ГЛАВА

1

Аурелия

ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ,

10 июня 2017 года

Спортрета на нее пристально смотрела обнаженная темноглазая женщина. Смелые оранжево-алые мазки, вскинутые над головой руки, протянутые к зрителям, развевающиеся за спиной темным облаком волосы. Выхваченная из тьмы лучом света, падающим из распахнутой двери, она сердито глядела с полотна, будто возмущаясь бесцеремонным вторжением, нарушившим уединение.

Лия застыла на пороге, сжимая в одной руке тяжелый ключ, а в другой — конверт с аккуратно сложенными документами, подтверждавшими ее полное право находиться в этой квартире.

Эта неизвестная доселе квартира со всей обстановкой, теперь принадлежащая ей, по заверениям юристов, стоит целое состояние.

«Наверное, бабушка души в вас не чаяла», — не смогла скрыть зависть секретарша, разглядывая адрес.

И Лия ничего на это не ответила, потому что бабушкино последнее волеизъявление было столь же загадочно, как и вся жизнь, и по поводу особого обожания у Лии были серьезные сомнения.

— Вода, свет, газ должны быть подключены, — сообщила появившаяся сзади Лии на лестнице консьержка.

Хранительница ее собственности, представившаяся просто Селестой, оказалась на удивление молодой улыбчивой женщиной с коротким розовым ежиком на голове.

Лии она сразу же понравилась.

— В кабинете я сижу редко, но, если понадобится, обычно где-нибудь рядом. Просто позвоните.

— Спасибо, — рассеянно поблагодарила Лия, опуская ключ в карман.

— Когда звонили, вы, кажется, сказали, что это квартира вашей бабушки?

Селеста небрежно облокотилась о лестничные перила.

— Да. Она ее мне завещала.

По крайней мере, так ей сообщили в юридической фирме, когда пригласили ознакомиться с целой горой бумаг. Хотя до тех пор квартира оплачивалась со счета, открытого на имя Grandmère¹, сама Эстель Алар, насколько Лия знала, кроме Марсея, никогда нигде не жила.

— Ах, примите мои искренние соболезнования, — мягко сказала женщина.

— Благодарю вас. Ее смерть не была внезапной. А вот эта квартира... большой сюрприз...

— Ну не плохой, как бывает, — заметила Селеста. — Всем бы так везло.

---

¹ Grandmère (фр.). — бабушка (Здесь и далее прим. перев.)

— И правда, — согласилась Лия, теребя эмалевый кулон на шее.

До сегодняшнего дня антикварное украшение было единственным бабушкиным подарком, врученным без особых церемоний в день восемнадцатилетия.

Лия окинула взглядом консьержку.

— А давно вы здесь работаете?

— Шесть лет.

— Вы, наверное, ничего не знаете ни о квартире, ни о моей бабушке Эстель Алар?

Селеста покачала головой.

— К сожалению, нет. Хотя я знакома со многими жильцами, врать не буду, я не имею ни малейшего представления, чья это была квартира, знаю только, что последние шесть лет в ней никто не жил.

Лия вдруг порывисто сунула документы под мышку и, расстегнув молнию на портфеле, выудила рисунок размером с лист писчей бумаги — яркое, даже несколько грубоватое изображение особняка, утопающего в изумрудной листве деревьев на фоне синего неба.

Не считая ключа, этот рисунок оказался единственным предметом, особо упомянутым в завещании.

— Вам известна фамилия Сеймур? Уильям Сеймур? Ни о чем не говорит? — спросила Лия, показывая картину Селесте.

Та снова покачала головой.

— Нет. А можно спросить, кто он?

— Без понятия. Наверное, художник, на этой картине его подпись.

— Вот как? — заинтересовалась Селеста. — Думаете, он когда-то тут жил?

— Откуда мне знать? — вздохнула Лия, пряча рисунок в портфель.

Она особо и не рассчитывала что-то узнать, но попытка не пытка.

— Хотите, могу покопаться в домовых книгах, — предложила Селеста. — У нас сохранились архивы за много лет. Если Уильям Сеймур когда-то здесь жил, глядишь, что-нибудь и найдется.

Лия была тронута предложением до глубины души.

— Нет, не сто́ит.

Ей не хотелось обременять эту добрую женщину. Сначала она сама проведет небольшое расследование.

— Хорошо. Но если передумаете, дайте знать.

— Благодарю вас. Непременно.

Селеста, казалось, колебалась.

— Собираетесь здесь пожить? — наконец спросила она.

Лия уже хотела было ответить, но передумала.

Если коротко, то да, хотя бы ненадолго. А вот дальше... все не так просто.

— Конечно, это не мое дело, — опустила голову консьержка. — Извините.

— Ну что вы, — улыбнулась Лия. — Я просто еще не решила.

— Оставайтесь, — искренне предложила Селеста. — Я бы с удовольствием...

Послышался звук лязгнувшего замка, за которым последовал взрыв истеричного лая. Лия обернулась. Из квартиры напротив появилась пожилая женщина со светлым извивающимся комочком шерсти под мышкой и, опираясь на остроконечную тросточку, засемила навстречу.

Она была похожа на персонажа из американской рекламы мыла или пылесосов середины двадцатого века: платье в цветочек с завышенной талией и широкой юбкой, ожерелье из крупного жемчуга на шее,

седые завитки, обрамляющие обильно напудренное лицо с пунцовыми накрашенными губами. Помада растеклась по глубоким морщинкам вокруг рта, создавая жуткий эффект.

Аурелия невольно представила, как бы сейчас grand mère неодобрительно прицокнула языком.

«Лия, косметика не должна бросаться в глаза, если, конечно, не хочешь, чтобы тебя ценили только за внешность».

В те времена Лия была подростком, очень любила краситься блеском для губ, и ее раздражали непонятные придирки. Но теперь она поняла, что grand mère была права. Соседка шаркала по мраморному полу, не отрывая потрясенного взгляда от обнаженной натуры, возвышающейся в сумраке квартиры у Лии за спиной. Похоже, картина произвела на нее такое же впечатление, как и на Лию, впрочем, удивление быстро сменилось явным неодобрением.

Лия с натянутой улыбкой загородила собой дверной проем, не давая заглянуть в комнату.

Женщина нахмурилась и вытянула шею.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась Лия, подавшись вбитой за школьные годы привычке приветствовать старших.

В ответ собака разразилась неистовым тьяканьем. Пронзительный лай, отражаясь эхом от мраморного пола и оштукатуренных стен, немилосердно зазвенел в ушах. Скривившись еще сильнее, дама выудила откуда-то среди складок юбки кусок колбасы. Собачонка тут же притихла, позабыв о Лии, и уставилась глазками-бусинками на возделенное лакомство в скрюченной руке.

— Вы хозяйка квартиры? — раздался в наступившей тишине грубый, словно наждачная бумага, голос женщины.

— Да, — не очень уверенно ответила Лия, еще не привыкшая к своему новому положению.

— А я здесь всю жизнь прожила. С самого тысяча девятьсот сорок третьего года, — прищурилась старушка.

Улыбка Лии увяла.

— Ого... Так долго...

— Я в курсе всего, что происходит в этом доме. И за все эти годы через ваш порог не переступило ни единой живой души. До сих пор.

— Гм, — уклончиво промычала Лия.

Поди разбери, то ли это вопрос, то ли утверждение, а может, даже обвинение. Потеребив конверт с документами, она прижала его к груди.

— Вы здесь одна будете жить?

Старуха вскользь покосилась на левую руку Лии.

— Прошу прощения?

Лия подавила порыв спрятать руку в карман.

— В вашем возрасте все давно замужем. Вероятно, поезд ушел. Не повезло.

Лия остолбенела, неужели послышалось?

— Простите?

— Видала я таких.

Соседка фыркнула, разглядывая тяжелый рюкзак, портфель и, наконец, голые плечи Лии и тесемки красного сарафана вокруг шеи.

— Это каких же?

Терпение Лии подходило к концу, сменяясь раздражением.

— Не хватало еще вашей музыки. И гулянок с выпивкой да наркотой не потерплю. И чтобы всякие проходимцы к вам не шастали по ночам.

— Хорошо, проходимцев буду водить только днем, — не удержавшись, медовым голосом съязвила Лия.

Селеста, хранившая молчание во время пикировки, прыснула со смеху и притворно закашлялась.

Женщина резко обернулась.

— Добрый день, мадам Хофман, — взяв себя в руки, поздоровалась Селеста. — Как поживаете?

Мадам Хофман сурово взглянула на розовые волосы консьержки и презрительно ухмыльнулась.

— Докатились, — пробурчала она.

У Селесты зазвонил телефон.

— Дела, дела, — взглянув на экран, извиняющимся тоном сообщила она Лии. — Если что понадобится, звоните, и добро пожаловать.

И оторвавшись от перил, помчалась вниз по лестнице, вызвав очередной истеричный приступ тьяканья.

Лия воспользовалась моментом и, скрывшись в квартире и захлопнув за собой дверь, тут же оказалась во тьме и духоте, зато избавилась от продолжения разговора.

— Конечно, попробуй тут не разозлись, — пробормотала она стоящей перед ней картине. — С такой соседкой, да с самого сорок третьего года, я бы вообще взбесилась.

Ответа не последовало.

В квартире воздух был спертый от времени и пыли — судя по всему, здесь никто не жил гораздо дольше шести лет, о которых знала Селеста.

Лия сложила вещи на пол и подождала, пока глаза привыкнут к темноте.

В глубине комнаты, на стене, выходявшей на широкую, залитую солнцем улицу, виднелись полоски света, пробивающегося сквозь плотные шторы на окнах. Его хватало лишь разглядеть смутные очертания окружающих предметов без каких-либо подробностей.

Лия осторожно, мелкими шажками, обошла картину и направилась к окнам. Половицы скрипели на каждом шагу, словно протестуя против ее вторжения. Протянув руку к зашторенной стене, кончиками пальцев нащупала тяжелую ткань, похожую на камчатное полотно. Пока все хорошо. Никто на нее не выскочил, не свалился на голову и не кинулся под ноги. Пальцы нащупали край шторы, где-то вверху на багете забренчали кольца. Лия без раздумий потянула за штору.

И тут же об этом пожалела.

В слепящем солнечном свете, залившем комнату сквозь старинные окна, ее окутали густые, удушливые облака пыли, от которых тут же заслезились глаза. Лия поперхнулась и закашлялась, отчаянно дергая задвижку на раме, а когда та наконец неохотно поддалась, чуть с ума не сошла от радости.

Она приоткрыла окно, не обращая внимания на протестующий стон петель, и ринулась навстречу свежему воздуху.

Лия застыла на несколько минут с высунутой из окна головой, задыхаясь и откашливаясь, стараясь не думать, как нелепо выглядит со стороны для прохожих на улице. Наверное, нужно было оставить дверь открытой или впустить первой очаровательную мадам Хофман.

Уняв наконец кашель, Лия с глубоким вздохом облегчения выпрямилась и приготовилась к новым находкам. Она медленно отошла от окна и обнаружила, что на самом деле наследством *grand mère* оказалась не просто квартира, а настоящий музей.

Пыль все еще клубилась в воздухе, но яркий свет озарил тисненые обои в серовато-голубых тонах неба перед бурей.

На стене против окон висели в позолоченных рамках десятки картин: несколько очаровательных пасто-

ральных сельских пейзажей, морские — с вечно стремящимися за горизонт кораблями. Каждая картина поражала яркими, насыщенными тонами.

В центре комнаты на широком персидском ковре стояли лицом друг к другу пыльные диваны с бирюзовой обивкой в стиле Людовика XV.

С одной стороны, ближе к Лии, к ним был приставлен длинный стол, на который опирался большой холст с обнаженной натурой, развернутый к двери и приветствующий гостей.

В дальней стене, примыкающей к окнам, оказался пустой камин с резной мраморной облицовкой.

Под самым потолком над камином виднелась скоба, на которой, видимо, когда-то висело какое-то произведение искусства, но теперь это место пустовало.

А прямо над головой в центре комнаты красовалась люстра с хрустальными подвесками, ослепительно сверкающими даже под слоем пыли. На онемевших ногах Лия пошла дальше.

Она остановилась у изящного журнального столика рядом с дальним концом дивана и принялась разглядывать коллекцию фотографий в рамочках. Осторожно взяв первую, она протерла стекло. Молодая женщина с мундштуком в руке, в шелковом, расшитом бисером платье, которое, словно вторая кожа, повторяло каждый изгиб тела, и небрежно накинутом на плечи меховом палантине стояла у входа в джаз-клуб, прислонившись к фонарному столбу и обратив на камеру равнодушный взор, в котором сквозила скрытая чувственность.

На обороте Лия увидела надпись карандашом: «Этель Алар, Монмартр, 1938 год».

Лия с трудом сглотнула.

Несмотря на неоднократные заверения юристов о том, что квартира принадлежала Этель Алар, Лия